

истории» или как «красноречивого примера» подчинения национальных интересов политическим, но хотелось бы большей определенности. Тем более что опубликованные документы и предложенная историками их интерпретация позволяют констатировать решающую роль «советского фактора» и объясняют положение Димитрова «между Сциллой и Харибдой» (признание «болгарского характера» Пиринского края и его навязанная извне «македонизация»).

Остается неясным, по какой причине А. А. Полешук не упомянул и о некоторых трактовках причин и обстоятельств кончины Димитрова. Ведь немалая часть болгарского общества убеждена ныне в его насильственной смерти. Безапелляционные заключения на этот счет можно встретить и у нас. Один российский автор, например, отнес «случай» Димитрова к 200 знаменитым отравлениям в истории человеческой цивилизации. Незадолго до разрушения мавзолея Димитрова в августе 1999 г. стали известны результаты анализов негласно взятых ранее проб его волос и головного мозга. Несмотря на разные методы исследования, результаты совпали, показав наличие ртути в большой концентрации. Спустя некоторое время под кураторством ученых Болгарской академии наук был проведен еще один, третий по счету, анализ, подтвердивший прежние оценки. Возникла версия отравления Димитрова. По свидетельству некоего полковника болгарской госбезопасности в санатории в Барвихе в письменном столе Димитрова имелись ящики с двойным дном, в которых якобы находилась ртуть. Ее пары и оказались смертоносными. Сталину, как считают многие в Болгарии, смерть Димитрова давала возможность ускорить установление полного советского контроля над страной и блокировать развитие югославского кризиса. Мотивация представляется слабой и малоубедительной, но она существует. В контексте версии отравления трактуется и чисто человеческий акт — прощальное посещение Димитрова Сталиным 25 июня 1949 г., что придает ему еще более зловещее звучание.

Завершая краткий обзор книги А. А. Полешука, замечу, что биограф всегда проживает жизнь своего героя, вольно или невольно «примеряя» его поступки на себя. При этом, восстанавливая и прослеживая чужую жизнь, автор предполагает, интерпретирует, выдвигает собственные версии, претендует на понимание логики поведения, поступков, причин выбора. Работа крайне сложная и, по большому счету, благодарная, хотя понять до конца, почему герой поступает так, а не иначе, невозможно. Всегда будет сохраняться разрыв между авторской трактовкой и тем, как это было на самом деле.

А. А. Полешук написал интересную, подталкивающую к размышлениям, умную книгу, передав драматизм эпох и на их фоне драматизм сделавшей себя личности, в судьбе которой переплелись противоречивые и судьбоносные линии политического бытия, «праведные и неправедные деяния». Личности, не избежавшей трагедий, ошибок, унижительных компромиссов, но также и пережившей моменты прекрасного духовного взлета, побед и творческого озарения. Георгий Димитров — сын своего времени, столь же противоречивого и судьбоносного. Международный масштаб этой политической фигуры и ее деятельности практически не оспаривается и сегодня, но с уточнением идейной и партийной (коммунистической) идентификации. Что касается национального масштаба, то главная мелодия его жизни прозвучала мощно: цивилизационный рывок Болгарии невозможно отрицать и бессмысленно игнорировать. И поэтому Димитрова нельзя волевым нажимом «изгнать» из болгарского прошлого, как и «уценить» связанную с ним эпоху. Трудно не согласиться с А. А. Полешуком: «Димитров еще поспорит с историей».

Т. В. Волокитина,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН

И. В. Игнатченко. АДЛЬФ ТЬЕР. СУДЬБА ФРАНЦУЗСКОГО ЛИБЕРАЛА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века. М.: издательский дом «Дело», 2017, 464 с.

DOI: 10.31857/S013038640002061-5

Адольф Тьер — редкий пример личности в истории, чья политическая карьера охватила несколько противоречивых, драматичных, переломных эпох в судьбе Франции. Он прошел более чем полувековой путь — от монархии Бурбонов до Третьей республики, был свидетелем либо участником трех революций; его

идеи пережили смены правителей и политических систем страны. Во все периоды своей деятельности Тьер, несмотря на меняющиеся общественные обстоятельства, оставался верен принципам либерального государства. Как политик он неразрывно связан с фундаментальной для Франции того периода проблемой —

установлением либерального государства с надлежащим балансом свобод и порядка, государства, которое примирило бы в себе наследие революции 1789 г. и авторитет власти монарха. Образ Тьера сложен для трактовки историками: ибо его деятельность сопровождалась как торжеством свободы, так и жестокостью в битве за эту свободу. Наделенный современниками зловещим прозвищем «кровавый карлик», обвиняемый в конформизме и корысти, Тьер, тем не менее, явился одним из архитекторов установления либеральной монархии в ходе революции 1830 г., в годы Второй империи стал одним из лидеров либеральной оппозиции, а после падения империи — одним из основателей Третьей республики. Кем был этот человек — революционером, либералом или же могильщиком свободы? Чем должен руководствоваться историк, исследуя роль Тьера во всех перипетиях его времени? На эти вопросы пытается ответить к.и.н. И. В. Игнатченко (Институт общественных наук РАНХиГС) в своей монографии.

Задачу своего труда автор определяет как исследование эволюции взглядов Тьера в первой половине XIX в. (с. 10). Это, несомненно, охватывает эпоху классического французского либерализма, эпоху его торжества в качестве государственной модели. Данная работа может справедливо считаться первым в российской историографии исследованием, целиком посвященным Тьеру как политику и идеологу режима Июльской монархии.

Стоит отметить, что отечественная историография, в особенности современная, чаще рассматривала выдающихся теоретиков либерализма, таких как Ф. Гизо и А. де Токвиль, в то время как Тьер всегда считался скорее политиком-практиком и историком, чем теоретиком. Тем не менее именно деятельность Тьера в годы Июльской монархии на посту премьер-министра помогла либерализму шагнуть от умозрительной концепции к практике и создать полноценную либеральную монархию. Монография исследует именно этот недолгий период и анализирует основы и принципы такого компромисса, а также причины краха Июльской монархии.

Источниковая база исследования — официальные государственные документы, дипломатическая переписка, а также личная переписка Тьера, его парламентские речи; мемуары и дневники современников, периодическая печать того времени. Тьер получал весьма противоречивые оценки историков — от «ничтожного и мелкого политика» до «великого государственного деятеля Франции, крупного либерала и пламенного патриота» (с. 11). В советской марксистской историографии он был подвергнут беспощадной критике за кровавое пода-

вление восстаний в Лионе и Париже в 1834 г. и Парижской коммуны в 1870 г.

Французская историография уделила Тьеру несравнимо большее внимание. Примечательно, что отдельный параграф автор посвящает именно эволюции оценок деятельности Тьера среди его современников и историков. Прежде всего, сохранилось немало биографий Тьера, написанных в конце XIX в. его младшими современниками. Несмотря на богатую источниковую базу, эти биографии «не носят аналитического характера» (с. 19) и не оценивают значимость Тьера для французской истории той эпохи, а также не изучают его политические взгляды. Историки XX в., писавшие труды по политической истории Франции, отдавали должное Тьеру как крупному политику, но также игнорировали его идеи. Только в 1980—1990-е годы историки Л. Жирар, А. Жарден и Л. Жоме начали исследовать взгляды Тьера в рамках проблематики эволюции либеральной мысли Франции; однако они сосредоточились на периоде Третьей республики, посчитав наиболее выдающимися либералами первой половины XIX в. Токвиля и Гизо.

Оценки Тьера как мыслителя и политика изначально были весьма противоречивы. Так, некоторые современники (Ф. де Шатобриан) упрекали его в лицемерии и подлости, другие (республиканец Жюль Симон) восхищались им как истинным патриотом, отдавшим жизнь борьбе за свободу (с. 50—51). Наиболее уничижительной критике Тьера подверг К. Маркс в работе «Гражданская война во Франции», назвав Тьера «карликом-чудовищем», кумиром французской буржуазии, ибо «он представляет собой самое совершенное идейное выражение ее собственной классовой испорченности» (с. 53). Даже не-марксисты, такие как Э. Лависс и А. Рамбо, упрекали Тьера в двуличии, позорных компромиссах с властью и в предательстве либеральной идеи. В целом, наиболее доброжелательные оценки историков Тьер заслужил благодаря своей оппозиционной деятельности в годы Второй империи и в ходе установления Третьей республики.

Автор отмечает, что после 1945 г. исторические оценки Тьера серьезно ухудшились — именно тогда его повсеместно начали обвинять в предательстве свободы, ненависти к простому народу и в том, что он «воплотил в себе все худшие буржуазные ценности»; ему ставили в вину кровавое подавление восстаний 1830-х годов и Парижской коммуны (с. 60). Некоторая реабилитация Тьера намечается лишь с 1980-х годов — поскольку в этот период происходит крах коммунистических режимов и идеологий и само французское общество было разочаровано в левых идеях. Тьер стал восприниматься

как «воплощение французского либерализма» (с. 66) со всеми его противоречиями, касавшимися компромисса свободы и порядка.

Британская историография рассматривала Тьера с разных сторон; британские историки отмечали выдающийся ум, энергию и решительность этого политика. Впрочем, англичане подвергли сомнению истинность тьеровского либерализма — они не понимали, как можно сочетать идеи свободы с принципами сильной власти; объясняется это разницей понимания либерализма во французской и британской политических культурах.

В первой главе, посвященной становлению взглядов Тьера в эпоху Реставрации, исследуется специфика французского либерализма: это идейное течение впитало в себя опыт революции и бонапартистской империи — отсюда и ведущая либеральная парадигма «свобода и порядок». Либералы признавали прогрессивность идей гражданского равенства, однако были убеждены, что для их эффективного функционирования необходима контролирующая королевская власть (с. 74). В такой общественной атмосфере проходили юношеские годы Тьера, начавшего свою деятельность в качестве журналиста либеральной газеты «Le Constitutionnel». Автор анализирует одно из ранних его произведений — «История Французской революции», в котором Тьер отмечал ее несомненную прогрессивность, указывал на неизбежность этого социального переворота. И именно изучение революции привело его к убеждению в необходимости конституционной монархии — ибо она «является компромиссом между тронном, аристократией и народом» (с. 85). Подобное переосмысление революции было типичным для либерала той эпохи. Что привело Тьера в ряды оппозиции режиму ультрароялистов при Карле X — так это убежденность в необходимости парламентской, представительной монархии, которая была заложена Хартией 1814 г., но фактически была разгромлена королем-реакционером в 1824—1830-х годах. Политическим кредо Тьера становится его же собственная фраза «король правит, но не управляет». В итоге, в июльские дни 1830 г., в разгар восстаний, Тьер настойчиво предлагает кандидатуру Луи-Филиппа Орлеанского в качестве нового короля; на самом деле, как замечает автор, инициатива исходила не от Тьера (это заблуждение среди историков), а от либерала Жака Лаффита, Тьер просто поддержал его и организовал соответствующую эффективную кампанию в прессе.

Революция 1830 г. стала водоразделом для карьеры Тьера: отныне он уже не популярный оппозиционный журналист, а политик. Вторая глава книги посвящена эволюции взглядов Тьера и его государственной деятельности

в годы Июльской монархии. Он полагал, что именно Июльской монархии предстоит стать беспрецедентным для Франции политическим режимом: парламентской монархией, при которой оппозиция будет контролировать действия короля. Для этого необходимо было сменить династию — вместо Бурбонов, искавших свою легитимность у традиции и божественного права, возвести на трон Орлеанов, которые могли бы «искать свою легитимность лишь у нации» (с. 118). Так, по мнению Тьера, и достигла своего завершения, спустя многие годы, революция 1789 г., целью которой и была представительная монархия. При этом Тьер настаивал, что избирательное право может быть реализовано только на основе имущественного ценза, ибо избирателями могут быть лишь те, кто «полезен своей стране» — люди с достатком и образованием (с. 128). В этом отношении взгляды Тьера были более левыми, чем взгляды Франсуа Гизо: Тьер выступал за ответственность министров перед парламентом и за контроль деятельности короля со стороны депутатов, в то время как Гизо защищал Хартию 1814 г., требовал сохранения широких полномочий монарха и указывал лишь на необходимость общественных свобод.

1830-е годы, как считает автор, стали для Тьера серьезным испытанием, в событиях тех лет он и проявил себя не только как защитник свободы, но и как «человек порядка», стоявший за подавление оппозиции Июльской системе. Он был уверен, что свобода в стране восторжествовала, и теперь задача власти — охранять порядок (с. 147). Неслучайно в 1832 г. он был назначен на пост министра внутренних дел. Именно в этот период он жесткими мерами подавил восстания легитимистов (арест герцогини Беррийской) и республиканцев (восстания рабочих в Лионе и Париже в 1834 г.). Как полагает автор, невнимание к острым социальным проблемам (рабочий вопрос) в 1830—1840-е годы было типичным для либералов, и Тьер здесь не исключение; эти же социальные вопросы и активизация республиканской оппозиции способствовали крену вправо возреший Тьера, в которых отныне порядок превыше свободы (с. 163).

В 1840-х годах взгляды Тьера вновь претерпевают эволюцию. И. В. Игнатченко объясняет это критической политической ситуацией: нарастала борьба за избирательную реформу (ликвидацию имущественного ценза) и парламентскую реформу (запрет совмещения должности депутата и чиновника). Тьер полагал, что необходимо провести эти реформы ради упрочения режима Июльской монархии, который в глазах общества все более деградировал (с. 213). Тьер видел в оппозиции уже не угрозу, но достойных советчиков, которые лишь «же-

лают процветания и стабильности» монархии (с. 218). В 1840 г. Тьер был отправлен в отставку с поста премьер-министра именно королем, в обход парламентского большинства, что дало повод Тьеру утверждать, что во Франции так и не сложилась полноценная парламентская монархия (с. 227). Получается, что в лагерь оппозиции Тьера привели отчасти личные счеты с Июльской монархией.

Третья — заключительная — глава книги посвящена воззрениям Тьера относительно внешнеполитического курса Июльской монархии. События 1830 г. встревожили европейские державы, опасавшиеся, что Франция начнет распространять свой «революционный дух» на страны Европы. Тьер сравнивал текущую ситуацию Франции с ее международным положением в 1792 г. (создание первой антифранцузской коалиции) и пришел к выводу, что задача Франции — это европейский мир, отказ от революционных войн, от метода «свободы на штыках»; к тому же новая французская монархия носит не революционный, а умеренный характер. Задача Франции, ее историческая миссия — лишь демонстрировать пример идеального сочетания свободы и порядка (с. 253—256). Главным союзником Франции, по мнению Тьера, должна стать Англия по причине схожести политических систем двух стран: это позволит создать союз либеральных монархий против абсолютистских (Священный союз России, Австрии и Пруссии). По мере признания Франции европейскими державами Тьер от пацифизма перешел к наступлению, начал поддерживать интервенции в дела соседей, а также агрессивную колониальную политику, завоевание Алжира (с. 324).

Взгляды Адольфа Тьера отразили все противоречия его эпохи, что в заключении отмечает автор. Он был убежденным конституционным монархистом, полагавшим, что единственно возможная на тот момент для Франции форма правления — это представительная монархия, существенно ограничивавшая полномочия короля по английскому образцу. Именно в этом состояла полемика Тьера с правыми либералами во главе с Франсуа Гизо в самом начале июльской революции. Однако в середине 1830-х годов под воздействием многочисленных народных восстаний взгляды Тьера эволюционировали вправо — он посчитал, что на данный момент сохранение порядка важнее свобод (с. 426—427). Однако в 1840-е годы Тьера постигло разочарование в некогда восхваляемой им системе: стало очевидно, что представительная монархия невозможна без расширения избирательного права, а король зачастую действовал в обход парламента.

Что касается роли Тьера в событиях того времени, то автор, отмечая его выдающиеся качества оратора и публичной фигуры, тем не менее не считает его ни видным идеологом либерализма, ни политическим новатором. «Адольф Тьер — это скорее образчик блестящей политической карьеры, наглядная иллюстрация возможностей быстрого политического роста и самовыражения в первой половине XIX в.» (с. 431). Весьма ценным представляется часть заключения, посвященная анализу понятия «либерал» во французском и британском понимании XIX в. Французское толкование либерализма позволяет считать таковыми всех, кто выступал за политические свободы — а это были не только орлеанисты, но и республиканцы, либералы-доктринеры, консерваторы. В британском понимании либерал — это прежде всего реформатор, противостоящий консерваторам (с. 442); следовательно, британские историки в большинстве своем сомневаются в принадлежности Тьера к либералам, поскольку в 1830-е годы он «заморозил» реформы. Тем не менее приверженность Тьера политическим свободам и его критика Июльской монархии в 1840-е годы позволяют, как уверен автор, причислить его к либералам.

Представленная монография является ценным исследованием для отечественной историографии. Но и она не лишена некоторых формальных недостатков. Например, в разделе историографии автор сначала рассматривает французскую и российскую оценки Тьера, а затем посвящает отдельный параграф эволюции этих оценок; также непонятно, каким образом название третьей главы «Политик» должно отразить внешнеполитические концепции Тьера. Однако автор успешно справляется с поставленной задачей: на основе богатейшего архивного материала он анализирует становление и развитие взглядов Тьера в различные моменты времени; он раскрывает сущность орлеанизма как одного из направлений либерализма, показывает исторические условия, способствовавшие формированию таких идей. Это не просто яркий портрет либерала — это история либеральной мысли в период, который зачастую был несправедливо обойден российскими учеными. Данная книга открывает широкие возможности для дальнейших исследований Июльской монархии и французского либерализма.

М. А. Уварова,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры исторических наук
Московского государственного
лингвистического университета